

© 2014 г.

О.И. АГАНСОН

БАЛКАНЫ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НА ПУТИ К НОВОМУ БАЛАНСУ СИЛ

“Однажды Сербия рассорит всю Европу и ввергнет континент в *мировую войну*”, – с негодованием писал британский посол в Австро-Венгрии Ф. Картрайт, когда великие державы в очередной раз зашли в тупик, пытаясь урегулировать поставленный Первой балканской войной вопрос о сербо-албанской границе¹. Эта эмоциональная фраза британского дипломата показывает, насколько тесно и неразрывно в восприятии современников переплетались политические коллизии на Балканах и проблемы войны и мира в Европе. Эта взаимосвязь была зафиксирована и последующими поколениями историков: балканские сюжеты стали неотъемлемой частью трудов по происхождению Первой мировой войны.

В научном сообществе не утихают дискуссии о соотношении противоречий между великими державами и расстановкой сил на Балканах в контексте развязывания континентального конфликта. Продолжается спор вокруг концепции Первой мировой войны как “Третьей балканской войны”: являлась ли она закономерным итогом предшествовавшего развития системы международных отношений², или же, вслед за Балканскими войнами 1912–1913 гг., была продолжением борьбы местных государств против многонациональных империй (Сербии, стремившейся объединить всех югославян под скипетром династии Карагеоргиевичей, против Австро-Венгрии)³.

В современных западных исследованиях по-прежнему довольно много места отводится балканскому фактору в скатывании Европы в пучину мировой войны⁴. Так, профессор Кембриджского университета К. Кларк, изучая, помимо общеевропейских проблем, политические процессы, протекавшие на Балканах, приходит к выводу о том, что лидеры великих держав не осознавали сущности балканского, прежде всего сербского, национализма, что обусловило их многочисленные ошибки и упущения в ходе взаимодействия по урегулированию острых кризисов, возникавших в регионе в начале XX в.⁵

Агансон Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Cartwright to Nicolson, 31.01.1913. – British Documents on the Origins of the War 1898–1914 (далее – BD), v. IX (2). London, 1934, p. 467. В тексте документа “мировая война” обозначена как “universal war”.

² *Schroeder P.W.* World War I as Galloping Gertie: A Reply to Joachim Remak. – The Journal of Modern History, 1972, v. 44, № 3; *idem.* Stealing Horses to Great Applause: Austria-Hungary’s Decision in 1914 in Systemic Perspective. – An Improbable War: The Outbreak of World War I and European Political Culture before 1914. Oxford, 2007.

³ *Remak J.* 1914 – The Third Balkan War: Origins Reconsidered. – The Journal of Modern History, 1971, v. 43, № 3.

⁴ *McMeekin S.* July 1914: Countdown to War. New York, 2013; *MacMillan M.* The War that Ended Peace: The Road to 1914. New York, 2013.

⁵ *Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe went to War in 1914. London, 2013.

Несмотря на обилие и разнообразие работ, в которых балканские события анализируются в рамках ухудшения международной обстановки в Европе накануне Великой войны, некоторые важные проблемы так и остались недостаточно освещенными. А именно: факторы, обусловившие слом старого и формирование нового регионального порядка на Балканах в ходе войн 1912–1913 гг., и возможность интеграции последнего в предвоенную систему международных отношений; характер взаимовлияния регионального, балканского, и глобального уровней международной системы. В настоящей статье, опираясь на материалы британских и российских архивов, мы попытаемся раскрыть обозначенные выше сюжеты. Нами будет использована аналитическая модель региональной подсистемы международных отношений применительно к Балканскому полуострову с тем, чтобы показать, как процесс реформативирования политического пространства региона вписывался в общую логику развития предвоенной системы международных отношений.

Формирование Балканской подсистемы относится к событиям Восточного кризиса 1875–1878 гг. Она явилась продуктом взаимодействия двух разнородных тенденций: всплеска национально-освободительных движений в европейской Турции и вмешательства великих держав (“позитивного” – вступление России в войну против Османской империи, и “негативного” – стремление англо-австрийского тандема амортизировать для Турции успехи русского оружия в войне 1877–1878 гг.).

Балканская подсистема базировалась на постановлениях Берлинского трактата 1878 г., в котором констатировалось присутствие в регионе как малых национальных государств (Сербия, Черногория, Румыния, Греция и Болгария), так и мультиэтнических империй – Османской империи и Австро-Венгрии. В состав первой возвращались значительные территории на Балканах (Македония и Фракия), вторая получала право оккупировать Боснию и Герцеговину и содержать свои войска в Нови-Пазарском санджаке. При непосредственном давлении Великобритании, ведущей мировой державы того времени, считавшей константой своей политики сдерживание русской экспансии на Востоке, фиксировалась системообразующая роль Турции и Австро-Венгрии в рамках регионального порядка на Балканах.

В целом можно утверждать, что появление Балканской подсистемы в 70-х годах XIX в. не привело к деформированию существовавшей системы международных отношений и не повлекло за собой резкого нарушения баланса сил на мировой арене. И хотя Берлинский трактат нельзя назвать творением “европейского концерта”, ибо Россия была вынуждена подписать его под сильным международным прессингом, но, безусловно, он являлся компромиссом, выработанным великими державами, которые не собирались втягиваться в “большую войну” из-за Восточного вопроса, а если точнее – из-за его балканского аспекта.

Ключевым фактором сохранения статус-кво на Балканах являлось австро-британское партнерство, кульминацией которого стала Средиземноморская Антанта 1887 г. Ее суть заключалась в том, что ведущая мировая держава и великая держава, непосредственно присутствовавшая на балканском пространстве, активно взаимодействовали с целью затормозить распад Османской империи⁶.

Однако в условиях изменившихся международных реалий: нарастание англо-германского антагонизма на мировой арене, усиление влияния Германии на Ближнем Востоке – ценность Средиземноморской Антанты девальвировалась в глазах британской и австро-венгерской дипломатии. Укрепление германских позиций в Османской империи ставило под угрозу британские имперские коммуникации, а, следовательно, и британские владения в Азии. В восприятии руководителей Форин офис Австро-Венгрия, ближайшая союзница Германии, превратилась в проводника его ближневосточной политики – “Дранг нах Остен”. При таком внешнеполитическом раскладе интересам Британии

⁶ *Remarques concernant les Bases d'un Accord à Trois* (Communicated to the Marquis of Salisbury by Baron de Biegeleben). – The National Archives, Kew (далее – NA), FO 93/1/1, № 5; *Précis of Proposed Reply to Eight Bases*; Salisbury to J. Savile, 25.10.1887. – *Ibidem*.

отвечала ревизия статус-кво на Балканах, сопряженная с некоторой дестабилизацией двух многонациональных империй, что отчасти способствовало бы поддержанию силового равновесия на системном уровне, выгодного для Англии. Таким образом, эволюция международной среды по отношению к Балканской подсистеме привела к исчезновению внешнего фактора, сдерживавшего дезинтеграционные процессы на территории Османской империи.

Региональный порядок в Юго-Восточной Европе изначально отличался эклектичностью, обусловленной сосуществованием мультиэтнических империй и национальных балканских государств в рамках одного региона, что способствовало быстрому накоплению конфликтного потенциала на Балканах. Ведь малые страны считали незавершенным процесс национального освобождения и объединения. Во-первых, Болгария, Сербия, Греция стремились присоединить македонские земли, некогда входившие в состав их средневековых “держав”. Во-вторых, Сербское королевство позиционировало себя в качестве “югославянского Пьемонта” и, следовательно, являлось естественным центром притяжения югославянских народов Дунайской монархии. В свете этого рост национально-освободительного движения на территории Македонии и Фракии, а также австро-сербский антагонизм, выступивший на авансцену после смены правящей династии в Сербии в ходе Майской революции 1903 г., вели к эрозии балканского порядка.

Определенный деструктивный потенциал относительно региональной подсистемы таило в себе стремление местных игроков, прежде всего Болгарии и Сербии, проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Особенно рельефно это проявилось в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг., когда Сербия отказалась признать совершенную Австро-Венгрией аннексию Боснии и Герцеговины (что, в принципе, было обоснованно, ибо Вена в одностороннем порядке нарушила постановления Берлинского трактата), а Болгария несанкционированно провозгласила свою независимость от Османской империи. Но что не менее важно, события Боснийского кризиса, сопряженные с ревизией статус-кво на Балканах, продемонстрировали механизм проецирования межблокового противостояния великих держав (Тройственного союза и Антанты) на региональный уровень. Великобритания и Германия использовали балканское пространство для налаживания взаимодействия со своими партнерами внутри блоков: соответственно, с Россией и Австро-Венгрией.

Международный контекст продолжал влиять на политику балканских игроков и после Боснийского кризиса. Начавшееся в 1910 г. потепление австро-русских отношений, русско-германская “разрядка”, достигшая своего пика во время Потсдамского свидания 1910 г. Николая II и германского императора Вильгельма II, усилия австро-венгерской дипломатии, направленные на сближение Румынии и Турции, начавшаяся итало-турецкая война и активизация политики Вены на Балканах, а также стремление Петербурга достичь компромисса с Портой по вопросу прохода русских военных кораблей через Проливы (“демарш посла России в Турции Н.В. Чарыкова” в 1911 г.) – все это были тревожные сигналы для балканских государств⁷. Ведь в случае материализации одной из этих тенденций происходила либо консервация существовавшего на Балканах регионального порядка, либо его ревизия, при которой, однако, игнорировались бы интересы местных государств.

Под воздействием неблагоприятной международной конъюнктуры, наиболее приемлемой опцией, позволявшей балканским государствам укрепить свои позиции в регионе, являлось взаимное сближение. В принципе создание военно-политических союзов или интеграция в уже существующие международные организации является естественной стратегией поведения малых стран на международной арене. Они, как правило, не располагают достаточными материальными, военными и политическими ресурсами для того, чтобы формировать региональный порядок или же эффективно противостоять давлению великих держав. Сближение может осуществляться только при условии, если

⁷ Подробнее см.: *Агансон О.И.* Балканский вопрос во внешней политике Великобритании (1908–1912). – Новая и новейшая история, 2011, № 1, с. 103–104.

набор совпадающих интересов перевешивает их разногласия. В отношении балканских государств, прежде всего Сербии и Болгарии, стран, которые впоследствии составили ядро Балканского союза, это утверждение выглядело сомнительным. Ряд российский дипломатов считали образование сербо-болгарского союза утопичным предприятием, указывая на груз исторических противоречий в Македонии. Отмечалась неспособность Белграда и Софии договориться даже о распределении сфер пропаганды и влияния в Македонии, не говоря уже о территориальном размежевании⁸.

Однако в сложившихся обстоятельствах Сербия и Болгария постарались если не урегулировать, то хотя бы заморозить свои давние противоречия. Плодом этих усилий стало заключение союзного договора, секретного соглашения о распределении сфер влияния в Македонии и военной конвенции (апрель – май 1912 г.). Позже к сербо-болгарской коалиции примкнули Греция и Черногория.

Создавая союз, балканские государства попытались перенести на местную почву те правила игры, которые определяли развитие взаимоотношений между великими державами в начале XX в., а именно формирование военно-политических группировок. Как писал турецкий посол в Вене А. Мавройени-бей, отличительной чертой политической атмосферы в Европе являлось функционирование сложной системы союзов и “антант”. В этом направлении, т.е. стремлении к созданию коалиций, выстраивали свою политику не только великие державы, но и малые балканские государства. Мавройени, к слову, рассчитывал на включение Турции в эту сложную договорную систему. Несмотря на то, что многочисленные “антанты” и союзы усложняли мировую политику, они, по его мнению, способствовали сохранению мира между народами и существенно снижали вероятность возникновения войны⁹. Ведь в рамках каждой из коалиций существовал сложный сплав из личных устремлений и взаимных обязательств партнеров. Это утверждение было не лишено справедливости относительно принципов взаимодействия между великими державами. Так, Франция и Великобритания, Россия и Великобритания сглаживали противоречия, дабы обезопасить свои фланги на периферии перед лицом нового сильного соперника. Можно отчасти согласиться с утверждением ирландского историка У. Маллигана, что система союзов служила страховкой от развязывания крупного военного конфликта на европейском континенте¹⁰. Совершенно иная логика действовала на Балканах. Блок балканских государств изначально был нацелен на реформирование политического пространства Юго-Восточной Европы.

Первая балканская война, начавшаяся в октябре 1912 г., ознаменовала триумф балканских союзников и разгром турецкой армии, что означало крах регионального порядка, базировавшегося на постановлениях Берлинского трактата 1878 г., а также необходимость выработки новых принципов политической организации региона. Вопрос о перекройке карты Балканского полуострова разросся до общесистемного уровня, ибо он напрямую затрагивал интересы великих держав. Первая балканская война вынесла на повестку дня две принципиальнейшие проблемы. Первая из них заключалась в неопределенности будущего Османской империи. Турция не просто являлась одной из несущих конструкций балканской подсистемы, но она, прежде всего, была “мультирегиональной” державой, а потому военные поражения османской армии на Балканах непосредственно коррелировали с судьбой Константинополя и азиатских провинций султана. Вторая проблема состояла в границах военно-политического “творчества” балканских игроков и принятия его результатов великими державами, в первую очередь Австро-Венгрией.

⁸ Записка о политике России касательно Македонии и Старой Сербии, составлена С. Тухолкой, 3.01.1910. – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 192, оп. 527, д. 10, л. 304.

⁹ *Dépêches D'Alexandre Mavroyéni Bey, ambassadeur de Turquie à Vienne au ministre ottoman des affaires étrangères (décembre 1911– octobre 1912)*. Istanbul, 1989, p. 100.

¹⁰ *Mulligan W. The Origins of the First World War*. Cambridge, 2010, p. 229.

Успешные операции болгарской армии во Фракии и перспектива ее вступления в Константинополь¹¹ грозили либо разрубить, либо еще сильнее затянуть “гордиев узел” европейской дипломатии – проблему доминирования в зоне Черноморских проливов. В этой связи стоит более подробно изучить позиции России и Великобритании, чье соперничество за влияние на Босфоре определяло динамику развития международных отношений на протяжении большей части XIX в. Подходы Лондона и Петербурга к этой сложнейшей международно-политической дилемме продемонстрировали, с одной стороны, их понимание собственных национальных интересов, с другой – трактовку проблемы баланса сил в Азии.

Российское правительство ни при каких обстоятельствах не могло допустить присутствия болгар в Константинополе и перехода в их руки контроля над Босфором и Дарданеллами. Примечательно, что некоторые представители британского истеблишмента признавали справедливость позиций Петербурга: по словам постоянного заместителя главы Форин офис А. Никольсона, “Константинополем могли владеть либо турки, либо русские”. Он критиковал выдвигавшуюся некоторыми британскими политиками идею нейтрализации Константинополя и считал этот проект не просто сопряженным со многими сложностями, но нереализуемым на практике¹².

Наиболее предпочтительным выходом из создавшейся ситуации, на взгляд русского МИД, являлось сохранение власти слабой Турции над Константинополем, Проливами и прилегающими к ним территориями, в том числе над Адрианополем¹³. Болгария, традиционно пользовавшаяся поддержкой России, начала восприниматься ею как негативный элемент ближневосточной политики, что побуждало Петербург искать новые пути выстраивания отношений с Портой. В частности, отмечалось, что на данном этапе стремление помешать установлению “чужого владычества” над Проливами сближало интересы России и Турции. С.Д. Сазонов, глава российского внешнеполитического ведомства, делал ставку на то, что опасность, исходившая от Болгарии, могла бы преодолеть укоренившееся недоверие Турции к России и заставить ее обратиться за помощью к Петербургу, располагавшему рычагами воздействия на Болгарское царство¹⁴. В этом духе Сазонов заявил турецкому послу Турхан-паше, что проблему болгарского наступления на Константинополь следовало урегулировать в двустороннем порядке, т.е. между Россией и Османской империей¹⁵. В какой-то степени этот шаг Сазонова мог быть расценен как попытка возродить Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. В случае удачной реализации этой попытки, произошло бы смещение баланса сил на глобальном уровне.

В Стамбуле по-видимому не существовало однозначной оценки возможных действий России в отношении Проливов. С одной стороны, Российская империя традиционно воспринималась правящими кругами Турции как заклятый враг, под эгидой которого выковывался Балканский союз, готовый в любой момент нанести удар¹⁶. С другой

¹¹ Pears E. Forty Years in Constantinople: the Recollections of Sir Edwin Pears, 1873–1915. London, 1916, p. 327; Tilkidom and the Ottoman Empire: The Letters of Gerald Fitzmaurice to George Lloyd, 1906–1915. Istanbul, 2008, p. 149–151. По воспоминаниям сотрудников британского посольства и британских резидентов в Константинополе, они со дня на день ожидали вступления туда болгарских войск. Первый драгоман британского посольства в Константинополе Дж. Фицморис, иронизируя, помечал свои частные письма из турецкой столицы как “из бывшего британского посольства в Константинополе”.

¹² Nicolson to Hardinge, 21.11.1912. – NA, 800/360/269–270; Nicolson to Buchanan, 5.11.1912. – ВД, v. IX (2), p. 103–104.

¹³ Докладная записка Н. Обнорского “Россия и Балканский вопрос”. – АВПРИ, ф. 133, Канцелярия, оп. 470, 1913, д. 33, л. 5–10.

¹⁴ Красный архив, 1924, т. 6, с. 63.

¹⁵ Ottoman Diplomatic Documents on the Origins of World War One (далее – ODD), v. VII(1). Istanbul, 2012, p. 332.

¹⁶ Ibid., p. 325.

стороны, признавалось, что “Россия недовольна успехами болгар, которые слишком приблизились к Константинополю”¹⁷.

Что касается позиции Британии по проблеме Проливов, то в ней можно было выделить две составляющие: техническую, связанную с фактом оккупации турецкой столицы, и глобальную. Установка британских военно-политических кругов относительно первой компоненты, если судить по письму секретаря Комитета имперской обороны М. Хэнки А. Никольсону от 12 ноября 1912 г., оставалась неизменной еще с февраля 1903 г.¹⁸ Тогда Комитет пришел к заключению, что “поддержание статус-кво в отношении Константинополя не является первостепенным морским или военным интересом этой страны”, и что преимущества, полученные Россией от его оккупации, “не несут судьбоносного характера”¹⁹. Это обстоятельство во многом объясняло ту легкость, с которой англичане согласились на “изгнание” турок с Балкан.

Для Лондона первостепенную значимость представлял не только и не столько переход Константинополя под иностранный контроль, сколько уход оттуда турецких войск и его влияние на ситуацию в азиатских провинциях Османской империи. Прогнозировалось, что падение военного авторитета Турции спровоцирует брожение беспокойных элементов в Азии, главным образом арабов и курдов. Данное обстоятельство не вызвало чрезмерно серьезных опасений британского истеблишмента, поскольку, как констатировалось, среди народов, населявших азиатские владения султана, отсутствовали какая-либо организация и сплоченность²⁰. В гораздо большей степени Лондон беспокоило неизбежное соперничество великих держав за “осколки” Османской империи в Азии. Так, А. Никольсон называл основной причиной возможной европейской войны не комплекс проблем, связанных с бывшими балканскими территориями Турции, а борьбу за азиатское “наследство” султана²¹.

Поскольку болгарское наступление на Константинополь все же было остановлено турецкими войсками, а Россия и западные державы были не готовы к “большой войне” за “больного человека Азии”, то компромиссным решением признавалось сохранение в составе Османской империи восточной оконечности Балканского полуострова. Таким образом, объединяющим моментом для всех великих держав служило стремление отсрочить распад Османской империи в Азии. Ведь государство, победившее в войне за “османское наследство”, получило бы исключительное геостратегическое преимущество. Боязнь увидеть своего соперника, доминирующим на глобальном уровне, сдерживало великие державы от скатывания в конфликт за контроль над азиатскими провинциями султана.

Взрывная волна Первой Балканской войны пошатнула второй столп прежнего регионального порядка в Юго-Восточной Европе – Австро-Венгрию, которой предстояла упорная борьба за сохранение своего преобладающего положения в регионе. Австро-венгерский министр иностранных дел Л. Берхтольд с самого начала заявлял, что интересы Австро-Венгрии на Балканах носили жизненно важный характер, и она была “полна решимости защищать их при любых обстоятельствах”²². Вена была озабочена предполагаемыми территориальными изменениями в западной части Балканского полуострова: появление общей границы между Сербией и Черногорией вследствие раздела ими Нови-Пазарского санджака, выход Сербии к Адриатике и территориальное расширение славянских королевств за счет присоединения албанских земель. Кроме того, Австро-Венгрия (вместе с Италией) резервировала за собой право участвовать в выстраивании нового регионального порядка на Балканах, настаивая на создании

¹⁷ Ibid., p. 331.

¹⁸ M.P.A. Hankey to A. Nicolson, 12.11.1912. – NA, CAB 17/55/16–17.

¹⁹ Report of the Conclusion arrived on the 11th February in reference to Russia and Constantinople, 14.02.1903. – NA, CAB 38/2/6.

²⁰ Nicolson to Cartwright, 4.02.1913. – NA, FO 800/363/226–227.

²¹ Nicolson to Lowther, 4.02.1913. – NA, FO 800/363/255.

²² Austria-Hungary, Annual Report, 1912. – NA, FO 881/10244, p. 19.

автономного Албанского княжества. В рассматриваемый период Дунайская монархия проводила политику “балансирования на грани войны”, что было продиктовано как соображениями военно-стратегического характера и проблемой поддержания своего великодержавного статуса, так и внутривосточными мотивами.

Убедительные победы сербской армии (взятие Ускюба, Призрена, Монастира), а также оккупация ею в ноябре 1912 г. Дурацио и других городов албанского побережья спровоцировали так называемый Адриатический кризис, в ходе которого австро-венгерское руководство продемонстрировало готовность применить военную силу, с тем чтобы не позволить Сербии закрепиться на Адриатике²³. Увеличение территории Сербского королевства за счет Санджака и частей Македонии преграждало Дунайской монархии путь к Салоникам, а получение им порта на Адриатике резко снижало его экономическую зависимость от Австро-Венгрии. Все эти военные успехи, по мнению австро-венгерских политиков и сторонних наблюдателей, могли быть зачислены во внешнеполитический актив Белграда, что автоматически означало поражение для Дунайской монархии. “Панславистская пропаганда”, стимулируемая сербскими победами на поле боя, по словам австро-венгерского посланника в Белграде С. фон Угрона, угрожала австро-венгерскому правлению в Боснии и Герцеговине, а также в сопредельных югославянских провинциях²⁴. Предсказывалось их отделение от Австро-Венгрии и вхождение вместе с Сербией и Черногорией в состав единого югославянского государства²⁵. Вена, выказывая свою склонность пресечь территориальное расширение Сербии военными методами, как полагали британский статс-секретарь по иностранным делам Э. Грей и его заместитель А. Никольсон, действовала правильно с точки зрения своих интересов²⁶.

Неумолимая логика поддержания регионального престижа предопределила бескомпромиссный подход австро-венгерского руководства и к другому серьезному кризису, связанному с территориальным разграничением создаваемого Албанского княжества, – Скутарийскому кризису (март – май 1913 г.)²⁷. Он был вызван отказом черногорского короля Николая I эвакуировать свои войска из албанской крепости Скутари. Правящие круги Двуетной монархии были полны решимости в одностороннем порядке принудить черногорцев очистить крепость, поскольку полагали, что отступление Австро-Венгрии будет расценено славянскими государствами как ее слабость. Иными словами, данное обстоятельство, на взгляд Вены и Будапешта, должно было подтолкнуть Сербию к захвату албанских территорий и выходу к морю²⁸.

Австро-венгерское руководство рисовало столь мрачную картину во многом под воздействием внутренних процессов, которые протекали в тот момент в империи: открытая демонстрация славянскими подданными Двуетной монархии просербских симпатий и рост югославянского движения. Так, в Чехии пехотинцы под впечатлением от сербских побед бросали ружья с криками “Да здравствует Сербия”²⁹, а на улицах Сараево древние легенды о временах царя Душана и битвы на Косовом поле воспламеняли воображение людей³⁰. Проекция правительством Монархии подобных настроений на общевосточную обстановку побуждала его держать армию в состоянии постоянной боеготовности. Была проведена частичная мобилизация войск; запасные не отпускались с военной службы, в результате чего довольно большое количество людей было

²³ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985, с. 126–129.

²⁴ Paget to Grey, 22.10.1912. – NA, FO 120/894/419.

²⁵ Paget to Nicolson, 2.11.1912. – BD, v. IX(2), p. 84; Paget to Grey, 19.12.1912. – Ibid, p. 258.

²⁶ Minutes by Nicolson and Grey. – BD, v. IX(2), p. 135.

²⁷ См. подробнее: *Војводић М.* Скадарска криза 1913 године. Београд, 1970.

²⁸ Cartwright to Nicolson, 25.04.1913. – NA, FO 800/360/34–37.

²⁹ Pinon R. L’Autriche et la guerre balkanique. – Revue des deux mondes, 1913, v. 13, p. 592.

³⁰ *Baernreither J.M.* Fragments of a Political Diary. London, 1930, p. 126.

отвлечено от своих рабочих мест, что наносило урон экономике страны³¹. В определенной степени австро-венгерские власти сами сгущали краски, обращаясь к мерам военного времени. В Боснии, по сообщениям британского консула в Сараево Фримена, местная администрация впала в шпионманию: повсеместно производились аресты и задержания невинных людей³².

Казалось бы, такое состояние повышенной боеготовности и сопутствовавшее этому перенапряжение всех сил и ресурсов государства должно было подталкивать империю Габсбургов к незамедлительному выступлению против Сербии и Черногории. Однако, по оценкам российских военных, которые основывались на информации, полученной с совещания австро-венгерского военного ведомства, тяжелое экономическое положение во время Скутарийского кризиса, напротив, ставило правительство Монархии перед необходимостью полной демобилизации и наведения порядка в финансах страны, что “откладывало на неопределенное время многие предложения в военной сфере”³³. Из подобных сведений можно было заключить, что Австро-Венгрия, несмотря на воинственную риторику и давление военных кругов, была не готова втягиваться в вооруженный конфликт, даже на локальном уровне.

Снижению напряженности на Балканах способствовала также сама специфика функционирования существовавшей системы международных отношений: отсутствие у партнеров по Антанте четких взаимных обязательств и возможность сближения, пусть и краткосрочного, держав, входивших в разные военно-политические группировки, доказательством чего стал феномен англо-германской “разрядки” 1912–1914 г.³⁴

В период балканского кризиса Англия, позиционировавшая себя в качестве европейского арбитра и демонстрировавшая свою надблоковость, заняла, таким образом, неопределенную и уклончивую позицию по вопросу сотрудничества с Россией, что, по оценкам британских дипломатов, могло подорвать англо-русское “соглашение”³⁵. В сложившихся обстоятельствах Форин офис считал наиболее приемлемой формулой урегулирования балканского кризиса взаимодействие великих держав в рамках “европейского концерта”, концепция которого отчасти и была реализована в период функционирования конференции (или совещания, как ее называли участники) послов в Лондоне. Более того, руководители британской дипломатии находили желательным достижения взаимопонимания с Берлином по проблеме локализации войны на Балканах³⁶. Германия, на данном этапе не стремившаяся к эскалации конфликта, откликнулась на британскую инициативу. Берлин, несмотря на декларируемую им поддержку политики Вены, считал необоснованными ее опасения по поводу того, что выход Сербии к Адриатике мог повлечь за собой ущерб для австро-венгерского престижа на Балканах³⁷. Склонность Великобритании и Германии к сотрудничеству проявилась во время работы лондонского форума, где обе державы попытались содействовать дости-

³¹ Приклонский – Гирсу, 13/26.02.1913. – АВПРИ, ф. 172, Посольство в Вене, оп. 514/2, д. 605, л. 4.

³² Freeman to Palairat, 9.02.1913. – NA, FO 120/911.

³³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 2000, оп. 15, д. 324, л. 29об. – 30.

³⁴ Об англо-германской разрядке подробнее см.: Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М., 2008; Crampton R.Y. The Hollow Détente: Anglo-German Relations in the Balkans 1911–1914. London, 1980; Lynn-Jones S.M. Détente and Deterrence. Anglo-German Relations, 1911–1914. – International Security, 1986, v. 11, № 2.

³⁵ Buchanan to Grey, 28.11.1912. – BD, v. IX(2), p. 228. Вместе с тем, по словам Никольсона, немцы глубоко ошибались, если полагали, что Англия останется в стороне от европейского пожара (Nicolson to Buchanan, 3.12.1912. – BD, v. IX(2), p. 239–240).

³⁶ Kühlmann an Bethman Hollweg, 15.10.1912. – Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914 (далее – GP), Bd. XXXIII. Berlin, 1926, № 12284.

³⁷ Wilhelm II an das Auswärtige Amt, 9.11.1912. – GP, Bd. XXXIII, № 12348.

жению компромисса между их партнерами по коалициям³⁸. Как справедливо отметила Е.В. Романова, подробно исследовавшая проблему происхождения Первой мировой войны, конференция послов великих держав, стала своеобразным механизмом регулирования международного кризиса, ибо она препятствовала перерастанию балканского конфликта в общеевропейский³⁹.

Совещание послов в Лондоне преимущественно концентрировалось на урегулировании проблем, которые непосредственно затрагивали интересы великих держав и могли повлиять на расстановку сил в Европе. Так, одним из итогов работы Совещания стало создание независимого Албанского княжества под контролем великих держав, которые брали на себя ответственность в определении его границ и формировании государственных структур.

В свою очередь, условия заключения мира и конкретные вопросы территориального разграничения передавались в компетенцию самих балканских стран⁴⁰. В итоге, Лондонский мирный договор 1913 г., подведший черту под Первой балканской войной, в отличие от Берлинского трактата, был подписан балканскими государствами (а не шестью великими державами) и Османской империей. И если Берлинский трактат предусматривал сохранение ряда балканских территорий в составе Османской империи, то в Лондонском мирном договоре, напротив, констатировалось ее “изгнание из Юго-Восточной Европы”: за Турцией оставался лишь узкий участок восточной Фракии по линии Энос-Мидия.

Однако вытеснение Турции из региона не означало разрешения всего комплекса территориально-политических и этноконфессиональных проблем, которые веками накапливались на Балканах. Иностранцы наблюдали воспринимавшую конфигурацию балканских акторов и расстановку сил в регионе как временное явление⁴¹. Инкорпорация в состав местных государств территорий, заселенных другими народами, а также их стремление пересмотреть в свою пользу результаты кампании 1912–1913 гг. и вследствие этого рост националистической пропаганды превратились в источник потенциальных конфликтов на Балканах. В регионе оформилось несколько очагов напряженности: Македония, где набирал силу болгаро-сербский и болгаро-греческий антагонизм; Южная Добруджа, являвшаяся “яблоком раздора” между Болгарией и Румынией. Кроме того, Сербия и Греция воспринимали албанское княжество, “детисце” европейской дипломатии, как инородный элемент в регионе, и этот элемент, в свою очередь, также имел территориальные претензии к соседям.

Поскольку, Лондонский мирный договор 1913 г., подготовленный шестью великими державами, носил самый общий характер, то, как уже отмечалось, балканским союзникам предстояло договориться между собой о распределении завоеванных территорий. Вопрос о разграничении бывших турецких вилайетов, как представляется, следует рассматривать в контексте более общей проблемы складывания новой политической иерархии в рамках Балканской подсистемы.

После победы над турками болгары, которых современники называли “японцами Балкан”⁴², становились очевидными региональными лидерами. Присоединив новые территории, Болгария заметно улучшала свои стратегические позиции: она не только получила выход к Эгейскому морю и увеличила протяженность своего черноморского побережья, но фактически была в состоянии угрожать Константинополю, на пути к которому единственным существенным препятствием после падения Адрианополя оставалась Чаталджинская укрепленная линия. Однако концентрация болгарских войск на восточном направлении в период Первой балканской войны позволила Греции и Сербии сделать большие территориальные приобретения в Македонии. Греция оккупировала

³⁸ Nicolson to Kitchener, 18.02.1913. – NA, FO 800/363/251–252.

³⁹ Романова Е.В. Указ. соч., с. 251.

⁴⁰ Grey to Cartwright, 6.12.1912. – NA, FO 120/894/609.

⁴¹ Cartwright to Nicolson, 28.02.1913. – NA, FO 800/363/72.

⁴² Tilkidom..., p. 103.

Салоники, на которые претендовала Болгария, а Сербия не только заняла “спорную зону”⁴³, но и вторглась в болгарскую. Предпринятые сторонами попытки, в том числе при посредничестве России, прийти к компромиссу оказались тщетными. В Афинах и Белграде отдавали себе отчет в том, что в случае реализации ее требований Болгария превращалась в доминирующую силу на Балканах. По оценкам Сазонова, включив в свой состав Салоники, Монастир и Ускюб, Болгария установила бы гегемонию в регионе⁴⁴. Вполне предсказуемым способом помешать диспропорциональному (по отношению к другим государствам региона) усилению Болгарии являлось заключение сербо-греческого союза. В мае – начале июня 1913 г. между Белградом и Афинами был подписан ряд соглашений, суть которых сводилась к установлению общей сербо-греческой границы в Македонии к западу от реки Вардар, обеспечению взаимной дипломатической и военной помощи против Болгарии, а также раздел Албании на сферы влияния⁴⁵.

Что касается болгарского руководства, то оно продемонстрировало ошибочный анализ создавшейся обстановки. Болгарский царь Фердинанд Кобургский и военные круги полагали, что после переброски войск из Фракии в Македонию болгарская армия по численности будет превосходить греческую и сербскую вместе взятые, что гарантировало бы ей победу⁴⁶. Таким образом, болгарское военное командование, сосредоточив все силы против сербов и греков в Македонии, фактически обнажило северные и южные рубежи страны, чем не преминули воспользоваться Румыния и Турция. Первая стремилась окончательно решить вопрос о Южной Добрудже в свою пользу, вторая – вернуть Адрианополь. При таком раскладе разгром болгарской армии во Второй балканской войне был предопределен.

Новое соотношение сил, сложившееся на Балканах в ходе межсоюзнической войны, было зафиксировано в Бухарестском мирном договоре, подписанном 10 августа 1913 г. Итоги конференции в Бухаресте нередко называют “первой национальной катастрофой” для Болгарии⁴⁷, лишившейся почти всех своих завоеваний в Македонии. Болгарское царство сохранило лишь небольшую область на северо-востоке, известную как Пиринская Македония, а также непротяженный участок побережья на Эгейском море с портом Дедеагач. В целом же территория Македонии была разделена между Грецией (Эгейская Македония) и Сербией (Вардарская Македония). По Бухарестскому миру, Болгария была вынуждена уступить Румынии Южную Добруджу.

Подписание серии двусторонних договоров: Константинопольского между Турцией и Болгарией (сентябрь 1913 г.), Афинского между Грецией и Турцией (ноябрь 1913 г.) и Константинопольского между Сербией и Турцией (март 1914 г.) – поставило окончательную точку в двухлетней истории Балканских войн.

Заключение Бухарестского мира не означало, что автоматически аннулировался Лондонский договор. Принципы, на которые опирался новый региональный порядок, остались прежними. В Бухарестском мире были модифицированы лишь те параметры Балканской подсистемы, которые характеризовали ее внутреннюю структуру. Во-первых, было покончено с претензиями Болгарии на региональное лидерство: Балканская подсистема являлась полицентричной. Во-вторых, претерпели некоторое изменение позиции Османской империи. По оценкам иностранных наблюдателей, Лондонский

⁴³ В соответствии с секретным приложением о распределении сфер влияния в Македонии, Сербия и Болгария выносили вопрос о судьбе “спорной зоны” (территория между Шар-Планиной, Родопом и Охридским озером) на арбитраж русского царя. См.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Серия 2. 1900–1913, т. XIX, ч. I. М., 1938, с. 267–268.

⁴⁴ Buchanan to Nicolson, 9.07.1913. – NA, FO 800/368/12.

⁴⁵ Hall R. The Balkan Wars, 1912–1913: Prelude to the First World War. London, 2000, p. 100.

⁴⁶ Нельзя игнорировать и тот факт, что болгарское правительство побуждали к выступлению внутривластные факторы в лице македонских эмигрантов, грозивших предать смерти политиков, осуждавших крайние меры. *Crampton R.J.* Bulgaria. New York, 2007, p. 200.

⁴⁷ Шкундин Г.Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915–март 1916 г.). София, 2007, с. 12.

договор поставил Турцию в такое положение, когда она была не в состоянии эффективно отстаивать свою независимость. Возвращение Адрианополя не только обезопасило западные границы Османской империи, но и оказало мощное положительное воздействие на эмоциональный настрой турецкого населения⁴⁸. Османский фактор продолжал играть не последнюю, хотя и не столь значительную как прежде, роль в балканской политике. В-третьих, в результате Второй балканской войны обозначилось особое место Румынии в региональной подсистеме⁴⁹.

Правящие круги Сербии, Румынии и Греции отдавали себе отчет в том, что поддержание баланса сил, установившегося на Балканах после коллизий 1912–1913 гг., было возможно только при условии углубления сотрудничества между их странами, и прежде всего в военной сфере. Для всех трех государств вопросом принципиальной важности являлось сдерживание ревизионизма Болгарии. Так, румынский премьер-министр Т. Майореску заверял российского поверенного в делах в Бухаресте Б.К. Арсеньева в том, что Румыния из чувства самосохранения не могла допустить разгрома болгарскими сербов и греков. По его словам, “неприкосновенность” Бухарестского трактата, хотя бы в ближайшее время, являлась для Румынии “вопросом национальной чести”⁵⁰.

Эксперты в балканской политике, как например, британский историк-славист Р.У. Сетон-Уотсон, считали ключевым фактором поддержания баланса сил на Балканах сербо-румынскую “антанту”. Во-первых, Сербия и Румыния, как указывалось, стремились оградить регион от вмешательства Австро-Венгрии, во-вторых, обе страны обратили свои взоры на север в ожидании подходящего момента для освобождения единокровных народов, проживавших под властью Габсбургов. Единственное, что смогло бы примирить Сербию и Румынию с ревизией Бухарестского мира и заставить их отказаться от своих южных территорий в пользу Болгарии, являлось присоединение ими Боснии, Далмации, Хорватии и Трансильвании, что в свою очередь, по прогнозам Р.У. Сетон-Уотсона, повлекло бы крах политической системы в Центральной Европе⁵¹.

Между тем, вопрос о надежности Бухареста в качестве союзника представлялся довольно дискуссионным. Так, румынский посланник в Афинах в разговоре со своим сербским коллегой признавался, что у Румынии две политики: восточная и западная. Первая из них направлена на “поддержание Бухарестского договора любой ценой”, вторая ориентирована на Тройственный союз⁵². Из этого заявления румынского дипломата явствует, что Бухарест пытался совместить несовместимое: сотрудничество с Сербией и опорой на Драйбунд, один из членов которого хотел сокрушить эту самую Сербию. И все же, по мнению российского представителя в Софии, в условиях новой расстановки сил на Балканах Румыния, несмотря на австрофильские симпатии ее правящих кругов, была “крепко связана с Россией”, а, значит, и с Антантой. Ведь если бы Россия и Румыния воевали в противоположных лагерях, то Болгария не замедлила бы вернуть себе Южную Добруджу⁵³.

Что касается сербо-греческого взаимодействия в рамках “балканского треугольника”, то его определяли две тенденции: сотрудничество и соперничество. С одной стороны, Сербию и Грецию побуждали к дальнейшему сближению имевшиеся у них серьезные территориальные противоречия с Болгарией и Албанией, а, следовательно, вероятность военного столкновения с этими двумя государствами. С другой стороны,

⁴⁸ Philips Price M. The Asiatic Question. – The Contemporary Review, 1914, № 572, p. 211–212.

⁴⁹ Dillon E.J. Roumania and the Spring-Time of Peace in the Balkans. – The Contemporary Review, 1913 (December), p. 878.

⁵⁰ Арсеньев – Сазонову. 24.09.1913. – АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2281, л. 12.

⁵¹ Seton-Watson R.W. New Phases of the Balkan Question. – The Contemporary Review, 1913, № 573, p. 329–330.

⁵² Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914, књ. VII, св. 1. Београд, 1980, с. 365.

⁵³ Выписка из доверительного письма посланника в Софии 23.07.1913. – АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 2281, л. 4.

после заключения Бухарестского договора сербо-греческие отношения, по донесениям российских дипломатов, начали стремительно портиться из-за разногласий вокруг государственного разграничения в Македонии⁵⁴. Кроме того, греки проводили более жесткую ассимиляторскую политику на присоединенных землях, чем сербы, под власть которых начали переходить македонские славяне с сопредельных с Грецией территорий. Определенным испытанием для сербо-греческой “дружбы” стала также нерешенность вопроса о сербском порте в Салониках и в связи с этим проявленная греками неуступчивость⁵⁵. Российские дипломаты отмечали “...нежелательность размолвки между двумя союзниками, призванными силою обстоятельств, охранять мир и равновесие на Балканском полуострове”⁵⁶. Это понимали и в Белграде, и в Афинах. Для греков поддержка сербов приобрела особую актуальность в свете прогнозируемой греко-турецкой войны из-за Эгейских островов⁵⁷.

Великие державы по-разному прореагировали на заключение Бухарестского мира. Великобритания и Франция подчеркивали его легитимность⁵⁸. Лондон и Париж считали оптимальным баланс сил, сложившийся в Юго-Восточной Европе: казалось, балканский фланг Антанты был укреплен. Германия также довольно благосклонно восприняла перегруппировку сил в регионе. Так, Вильгельм II критиковал Берхтольда за его попытки привлечь Болгарию на сторону Тройственного союза и за дальнейшее отчуждение от него Румынии и Греции. Кайзер считал, что интересам австро-германского блока на Балканах в наибольшей степени соответствовало формирование коалиции в составе Румынии, Греции и Сербии. Вильгельм II даже направил румынскому королю Каролю I телеграмму с поздравлениями по поводу заключения Бухарестского мира⁵⁹.

В Дунайской монархии подписание Бухарестского договора было встречено с тревогой и настороженностью. Австро-венгерское правительство высказывалось за созыв европейской конференции и санкционирование итогов Второй балканской войны великими державами⁶⁰. Такая позиция Двуетной монархии обуславливалась тем, что ситуация в регионе, как показали недавние события, все в большей степени выходила из-под ее контроля. Так, Сербское королевство не только присоединило дополнительные территории, но обеспечило себе благоприятный политический климат в регионе: сербо-греческие и сербо-румынские отношения, несмотря на существование в них подводных камней, характеризовались довольно высокой степенью сотрудничества, а Болгария после поражения была нейтрализована. Таким образом, позиции Сербии значительно усилились перед лицом Австро-Венгрии.

После заключения Бухарестского мира происходило дальнейшее сцепление внутри- и внешнеполитических мотивов в австро-венгерской политике на Балканах, которая тотально концентрировалась на югославянской проблеме. Ее разрешение элита Дунайской монархии увязывала с предельным ослаблением Сербии. По меткому замечанию французского посла в Вене А. Дюмена, всю австро-венгерскую политику в отношении

⁵⁴ Копия с донесения российского генерального консула в Солуни, 4.12.1913. – Там же, д. 2706, л. 22.

⁵⁵ Там же, л. 22об.

⁵⁶ Доверительное письмо посланника в Афинах Демидова, 10.12.1913. – Там же, д. 2337, л. 6об.

⁵⁷ В период Первой балканской войны Греция в результате успешных действий флота оккупировала острова в Эгейском море. Афины настаивали на вхождении всех островов в состав Греческого королевства. Однако Турция не собиралась уступать Греции острова Имброс, Самофракия, располагающиеся у входа в Дарданеллы, и Лесбос, Хиос и Самос, прикрывающие подступы к Смирне. Подробнее см.: *Соколовская О.В.* Греция в годы первой мировой войны, 1914–1918 гг. М., 1990. С. 14–15.

⁵⁸ Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons, 1912, v. 56, col. 2292; Documents diplomatiques. Affaires balkaniques, t. II. Paris, 1922, p. 295.

⁵⁹ Goschen to Nicolson, 27.09.1913. – NA, FO 800/370/19–20.

⁶⁰ *Schebeko N.* Souvenirs: essai historique sur les origines de la guerre de 1914. Paris, 1936, p. 63.

этого славянского королевства можно было свести к фразе римского сенатора Катона “Карфаген должен быть разрушен”⁶¹.

Одну из своих приоритетных задач австро-венгерская дипломатия видела в создании на Балканах противовеса Сербии. Эта роль отводилась новоявленному Албанскому княжеству. На момент осени 1913 – лета 1914 г. Албания в силу несформировавшейся государственности, пестроты населения, а также неурегулированности вопроса о границах (например, княжество отказывалось признавать Косово, где этническое большинство составляли албанцы, частью сербской территории), была одним из главных дестабилизирующих факторов на Балканах.

Австро-Венгрия, как утверждали сербы, намеренно поддерживала “состояние хронического беспорядка в Албании”⁶². Эти выводы находили подтверждения в донесениях русских военных агентов. В Вене планировали путем широкой агитации в княжестве, где происходила нескончаемая борьба за власть между представителями различных политических групп, “вызвать в этой стране серьезные внутренние осложнения, могущие дать повод к вмешательству”⁶³. Для Сербии ситуация усугублялась тем, что в споре вокруг сербо-албанского территориального разграничения все активнее начинал фигурировать болгарский фактор. Так, намечалась отправка болгарских офицеров, принимавших когда-то участие в организации македонских чет, в Албанию, в приграничные с Сербией территории, для формирования “иррегулярных войск”. В случае успешной реализации этого замысла, по заключению российского комиссара в Албании А.М. Петряева, над западными рубежами Сербского королевства нависла бы серьезная опасность⁶⁴.

Неурегулированность пограничного вопроса в сербо-албанских отношениях использовалась Австро-Венгрией как инструмент жесткого давления на Сербию. Постоянные столкновения, происходившие в сентябре–октябре 1913 г. на сербо-албанской границе и сопровождавшиеся ее неоднократным пересечением албанскими отрядами, с одной стороны, и ответной оккупацией сербской армией ряда стратегических позиций на территории Албании – с другой, позволили Австро-Венгрии как международному гаранту независимости княжества предъявить Сербии ультиматум (18 октября 1913 г.). Белграду предписывалось в течение восьми дней очистить албанскую территорию. В случае неудовлетворения ее требований Вена угрожала действовать по своему усмотрению⁶⁵. Историк Э. Хелмрейх, подготовивший фундаментальный труд по истории Балканских войн, называл австрийский демарш 18 октября репетицией ультиматума, предъявленного Веней Белграду в июле 1914 г.⁶⁶

Реакция России на октябрьский инцидент позволяет усомниться в правомерности этого утверждения. В рапортах российских военных агентов констатировалась крайне низкая вероятность австро-венгерской мобилизации даже при условии неподчинения Сербии требованиям Вены. Отмечалось “затруднительное положение австрийского правительства в отношении возможности выполнения в настоящее время призыва и критическое экономическое положение государства”⁶⁷. Следовательно, Петербург не считал австро-венгерский ультиматум несущим угрозу равновесию сил на Балканах и безопасности Сербского королевства, чего нельзя было сказать о его аналоге июля 1914 г. Важно, отметить, что со стороны столь спокойное, кажущееся индифферентным отношение российского руководства к агрессивной дипломатии Австро-Венгрии трактовалось как проявление эволюции внешнеполитического курса Петербурга на Балканах. Хотя основной вектор ближневосточной политики России, как полагал британский поверенный в делах Х. О’Бирн, не изменил своего направления (установление контроля

⁶¹ *Dumaine A.* Dernière Ambassade de France en Autriche. Notes et souvenirs. Paris, 1921, p. 81.

⁶² Crackanthorpe to Grey, 21.10.1913. – BD, v. X(1), p. 43.

⁶³ Рапорт о военных приготовлениях Австро-Венгрии на южном фронте, 18.05.1913. – РГВИА, ф. 2000, оп. 15, д. 324, л. 76.

⁶⁴ Деша комиссара в Албании, 22.11.1913. – АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 2281, л. 50об.

⁶⁵ Crackanthorpe to Grey, 19.10.1913. – BD, v. X(1), p. 39.

⁶⁶ *Helmreich E.C.* The Diplomacy of the Balkan Wars 1912–1913. Cambridge, 1938, p. 426.

⁶⁷ РГВИА, ф. 2000, оп. 15, д. 56, л. 8.

над Проливами), ее подходы относительно модели взаимодействия с “балканскими протеже” были сильно скорректированы. В частности, британский дипломат отмечал лимитированный характер поддержки, оказываемой Петербургом балканским государствам, и его нежелание втягиваться в войну ради защиты их интересов⁶⁸. Неучастие России в военном конфликте на Балканах практически автоматически вело к его локализации, что отчетливо осознавали все великие державы.

В рассматриваемый период Россия была вынуждена сбавить темпы своей политики в Юго-Восточной Европе, дабы адаптировать ее к изменившимся региональным реалиям. Более того, учитывая опыт предыдущих кризисов, когда тяжелое финансово-экономическое положение сдерживало Австро-Венгрию от развязывания войны на Балканах, можно было рассчитывать на то, что правящие круги Двуетидной монархии не решатся на эскалацию конфликта в регионе, по крайней мере в краткосрочной перспективе.

В конце 1913 – первой половине 1914 г. создавалось впечатление некоторой стабилизации регионального порядка в Юго-Восточной Европе. Это позволило великим державам переключить свое внимание с Балкан на другие регионы с целью упорядочить существовавшие там противоречия⁶⁹. Имманентно присущая Балканам конфликтность в связи с территориальными разногласиями местных государств стала восприниматься во внешнеполитических ведомствах великих держав как дипломатическая рутина. Даже предельное напряжение в греко-турецких отношениях из-за Эгейских островов и сопутствовавшая этому гонка морских вооружений двух стран хотя и могли вылиться в войну, но без участия великих держав. Показательно, что и Британия, и Германия стремились предотвратить военные действия между Турцией и Грецией, а потому каждая со своей стороны пыталась наладить диалог между Константинополем и Афинами⁷⁰. На момент июня 1914 г. существовало два возможных варианта развития Балканской подсистемы: либо ее дальнейшая консолидация, либо разрушение под воздействием внутренних и внешних факторов.

Главный вопрос, однако, заключался в степени автономности региональной подсистемы в реалиях начала XX в., когда взаимодействия между великими державами определяли не только структуру существовавшей системы международных отношений, но от позиции той или иной великой державы зависела расстановка сил на региональном уровне. По логике политиков и дипломатов того времени великодержавный статус государства обуславливался его способностью контролировать политические процессы в сопредельных ему малых странах, а также возможностью в той или иной форме расширять сферу своего влияния⁷¹. По мере упрочения позиций местных государств, и прежде

⁶⁸ O’Beirne to Grey, 30.10.1913. – BD, v. X(1), p. 52–53.

⁶⁹ Вот лишь некоторые примеры. Германии и России удалось мирными средствами урегулировать конфликт, возникший из-за германской военной миссии Л. фон Сандерса в Константинополе. Близилось к завершению англо-германские переговоры по поводу строительства Багдадской железной дороги, что, пожалуй, можно считать самой яркой вспышкой англо-германской “разрядки”. Великобритания и Россия, несмотря на заключение Антанты в 1907 г., столкнулись с необходимостью пересмотра некоторых положений соглашения о разграничении сфер влияния в Персии, ибо к началу 1914 г. у обеих сторон накопились взаимные претензии по поводу принципов их политики в этой полусамостоятельной восточной стране. – АВПРИ, ф. 184, Посольство в Лондоне, оп. 520, д. 1465, л. 176об.; Confidential Memorandum. – NA, FO, June 10 1914.

⁷⁰ Fotakis Z. Greek Naval Strategy and Policy, 1910–1919. London – New York, 2005, p. 99.

⁷¹ Например, исходя из этого принципа, Ф. Картрайт не был склонен интерпретировать давление Двуетидной монархии на Сербию как “агрессию”. Подобно другим великим державам, Австро-Венгрия, по мнению Картрайта, прибегала к так называемому “праву соседства”. Иными словами, Дунайская монархия не могла позволить, чтобы на ее “заднем дворе”, т.е. в западной части Балканского полуострова, царил анархия, а потому она былавольна вмешиваться во внутренние дела соседствующих с ней малых стран. Таким же образом, как указывал британский дипломат, поступали Россия в Северной Персии и Маньчжурии и США в Центральной Америке. – Cartwright to Nicolson, 27.08.1912. – NA, FO 800/358/82–83.

всего Сербии, воздействие Австро-Венгрии на региональный баланс сил минимизировалось. Ситуация становилась еще более драматичной, по мере того как с укреплением сербо-румынской “антанты” на Балканах происходило сопряжение югославянского вопроса с вопросом о судьбе Трансильвании, что наносило двойной удар по сложной конструкции мультиэтнической империи.

Таким образом, обретение Балканским регионом некоторой самостоятельности в рамках существовавшей системы международных отношений было несовместимо со статусом Австро-Венгрии как великой державы. На общесистемном уровне выпадение империи Габсбургов из клуба великих держав (“европейского концерта”) грозило повлечь за собой перестройку или слом всей структуры международных отношений, что было чревато общеевропейской войной.

Эволюция международной обстановки к лету 1914 г., т.е. к моменту сараевского убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда, позволяла Вене, по крайней мере, ей так казалось, прибегнуть к внешнеполитическим акциям для разрешения внутривнутриполитических проблем. Ключевую роль в восприятии ситуации австро-венгерскими правящими кругами сыграло конъюнктурное ослабление внимания держав Антанты, прежде всего Великобритании, к событиям на Балканах.

Доминирование в Юго-Восточной Европе коалиции в составе Сербии, Греции и Румынии, для которых общим и жизненно важным интересом являлось подавление ревизионистских устремлений проигравших государств и “ограждение” региона от иностранного контроля, позволило Лондону переложить на местных игроков ответственность по поддержанию стабильности и равновесия на Балканском полуострове. Отход Англии от активной балканской политики обнаружился в ее нежелании “втягиваться” в урегулирование албанской проблемы, что мотивировалось отсутствием у Лондона “какого-либо вообще интереса в этой части мира”⁷².

Факт существования англо-германской “разрядки” на международной арене, а также дистанцирование Великобритании от балканских событий, в частности от австро-сербского конфликта в период Июльского кризиса⁷³, обусловили склонность австро-венгерского руководства в пользу реализации конфронтационной линии на Балканах. В Вене питали иллюзию по поводу локализации австро-сербской войны. Так, 28 июля Берхтольд убеждал русского посла в Вене Н. Шебеко в том, что Австро-Венгрия была вынуждена нанести удар по Сербии “для поднятия своего престижа на Балканах и внутри страны”, а потому Монархия рассчитывала “на поддержку Германии и миролюбие остальных держав для локализации конфликта”⁷⁴. Однако перспектива вступления в войну Германии, стремившейся опрокинуть сложившейся на мировой арене статус-кво, автоматически раздвигало пространство конфликта.

С точки зрения великих держав Первая мировая война являлась конфликтом, победа в котором обеспечивала той или иной военно-политической группировке право на формирование нового мирового порядка. В восприятии и оценках малых стран Юго-Восточной Европы Великая война отчасти ассоциировалась с “Третьей балканской войной”, в ходе которой предстояло решить вопрос о присутствии в регионе второй полиэтнической империи, Австро-Венгрии, а также окончательно определить судьбу Бухарестских постановлений, регулировавших межбалканские взаимоотношения.

Для государств Юго-Восточной Европы Великая война стала периодом второй трансформации Балканской подсистемы международных отношений, в результате которой распалась Австро-Венгрия и ее югославянские провинции образовали вместе с Сербией и Черногорией большое югославянское государство на Балканах. Начавшийся во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. процесс вытеснения многонациональных империй из региона завершился, было покончено и с непосредственным присутствием великих держав на балканском пространстве.

⁷² Nicolson to Buchanan, 13.01.1914. – NA, FO 800/372/17.

⁷³ *Bethmann Hollweg Th. Reflections on the World War*. London, 1920, p. 108.

⁷⁴ Шебеко – Сазонову, 15/28.07.1914. – АВПРИ, ф. 172, оп. 514/2, д. 863, л. 5.